

Когда до Наои Дзэнъина дошли слухи, что Сабору Годзё притащил в свое поместье троих простолюдинов, да еще и пожаловал взрослому мужчине из их компании фамилию великого клана, юноша не поверил собственным ушам.

— Он что, совсем свихнулся?! — вскричал Наоя.

Для людей их благородного происхождения даже простое слово, брошенное безродному червю, было величайшим снисхождением. А тут — притащить оборванцев прямо в дом!

Любящие посплетничать соклановцы охотно делились подробностями: поговаривали, что это зрелый мужчина и двое детей — судя по всему, отец с сыном и дочерью. За последние годы у Сабору Годзё не появилось ни одной личной служанки, так что в клане вовсю шептались о его... весьма специфических наклонностях.

Наоя всегда преклонялся перед силой. И пусть столь вопиющее, «порочное» поведение Сабору лишило его дара речи, он все равно пытался найти этому разумное объяснение. В конце концов, даже если разумного зерна здесь не было, величайшему магу современности вполне прощались маленькие слабости. Но даровать родовое имя какому-то отребью — это переходило все границы.

«И ведь у этого безродного наглеца хватило совести принять имя Годзё!» — Наоя презрительно усмехнулся. Как смеет жалкий простолюдин воображать себя равным тем, кого само небо благословило великим даром?

Юноша уже собирался поделиться этой мыслью со стоящим рядом сородичем, как вдруг тот осекся. Мужчина, секунду назад гнусно ухмылявшийся и рассуждавший о тайных пороках Сабору, внезапно лишился верхней половины туловища. На землю хлынул фонтан горячей крови.

От неожиданности Наоя отпрянул. Этот парень, пусть и уступал ему в мастерстве, все же считался элитным бойцом клана Дзэнъин. И вот он — только что болтал, а в следующее мгновение беззвучно, мгновенно погиб.

Существ, способных на такое, в мире водились единицы.

Внезапно по спине Наои пробежал ледяной пот. Природное чутье и врожденный талант спасли ему жизнь: он чудом уклонился от невидимого удара, покотившись по земле. Дорогие, искусно сшитые одежды мгновенно покрылись грязью.

Взглянув на то место, где стоял мгновение назад, юноша похолодел: земля там была глубоко рассечена надвое. Не успеет он среагировать...

От ярости и унижения Наоя заскрежетал зубами.

— Ах ты тварь! — выкрикнул он, активируя врожденную технику.

Однако проклятие оказалось быстрым как молния. Прежде чем Наоя успел проследить за его траекторией, оно со свистом зашло со спины.

Время словно остановилось, растянувшись в бесконечную, мучительную секунду. Наоя успел лишь повернуть голову, и в его расширившихся от ужаса глазах отразился силуэт монстра.

Мерзкий старик со сгорбленным, иссохшим телом. Его пепельно-серая кожа казалась мертвой, на сморщенном лице зияли глубокие черные провалы пустых глазниц без намека на глазные яблоки.

Тварь уставилась на Наоя и оскалилась — беззубый рот растянулся до самых пустых глазниц в жуткой, уродливой гримасе.

В онемевшем от ужаса разуме билась лишь одна-единственная мысль.

* «Я сейчас умру! Сдохну прямо здесь, в этой глуши! Какая нелепая, позорная смерть!»*

Но в следующее мгновение физиономию проклятия исказил первобытный страх. Прежде чем Наоя успел хоть что-то понять, тварь перед ним сжалась, скрутилась, словно выжимаемое белье, исходя багровой жижей, и превратилась в иссохшую, безжизненную шкуру, безвозвратно канув в круговорот перерождений.

Едва дыша от пережитого ужаса, Наоя уставился на человека, возникшего прямо перед ним.

Мужчина обладал густыми, черными как смоль волосами. Его лицо, иссеченное несколькими грубыми шрамами, нельзя было назвать безупречно красивым, однако от всей его фигуры исходило благородство и врожденное величие. На нем было строгое черное кимоно, а на накидке-хаори красовался изысканно вышитый герб клана Годзё.

Магический мир тесен, все сильные шаманы знают друг друга в лицо. Те, кого Наоя не мог признать, обычно оказывались бесталанными выскочками из низов. Но этот незнакомец носил герб Годзё, право на который имели лишь члены семьи. Сомнений не оставалось: перед ним стоял тот самый Сидзука Годзё, который очаровал главу великого клана настолько, что удостоился его фамилии.

Спасен... каким-то плееем! Да еще и сразу после того, как он поливал его грязью!

Наоя одновременно душили стыд, злость и брезгливость, но его одержимость силой взяла верх. Завораживающее, сокрушительное могущество этого человека заставило его замереть на месте, лишив дара речи.

А-Эр, решив, что парень просто оцепенел от испуга, помог ему подняться.

— Ты цел? — мягко спросил он.

Бросив взгляд на растерзанное тело шамана из клана Дзэнъин, мужчина с сожалением добавил:

— Прости. Я опоздал.

Наоя резко вырвал руку и процедил сквозь зубы:

— Кто знает, может, ты нарочно тянул время.

А-Эр лишь удивленно моргнул, не понимая причин такой враждебности, но расслаживаться не мог — нужно было спешить на помощь в другие места. Однако едва он развернулся, чтобы уйти, Наоя окликнул его снова:

— Стой!

—?

— Это ведь тебя Сабору притащил в поместье?

— Да. А вы?..

— Уж не знаю, какими чарами ты его опоил, — Наоя высокомерно вздернул подбородок. — Но Сабору быстро наиграется и вышвырнет тебя вместе с твоими вырожденками. Хотя постой... Кто знает, может, эти детишки — просто способ удержать его внимание? Говорят, девчонке едва исполнилось десять. Не думал, что ты настолько опустился, чтобы использовать собственную плоть ради...

Едва вырвавшись из лап смерти, избалованный наследник Дзэнъин отчаянно пытался вернуть себе душевное равновесие и уязвленное самолюбие. В ту эпоху аристократы презирали простолюдинов, поэтому слова Наои были ядовитыми, хлесткими. Он упивался собственной желчью, совершенно не замечая, как лицо А-Эра постепенно темнеет от гнева.

А-Эр редко принимал близко к сердцу оскорбления в свой адрес, но терпеть нападки на Сабору и тем более на своих детей он не собирался.

Шагнув вперед, он крепко перехватил ладонь Наои, переплетая свои пальцы с его. От такой фамильярности Дзэнъин округлил глаза, а его щеки вспыхнули густым румянцем. А-Эр же

склонился к его уху и глухо, почти зловеще прошептал:

— Моя проклятая техника активируется через прикосновение.

— Ч-что?..

— Я спрашиваю, хочешь повторить судьбу той твари?

Наою пробрала крупная дрожь. Он попытался указать на наглеца пальцем, но из горла вырывалось лишь жалкое мычание. Он рванулся, однако хватка А-Эра была мертвой. Ледяная ладонь спасителя сжимала его собственную, влажную от пота руку, рождая внутри странное, доселе неведомое чувство. Не выдержав, Наоя со злостью отвернулся.

— Смотри не ляпни ничего подобного при детях или Сабору. Иначе я очень... очень разозлюсь.

А-Эр заглянул ему прямо в душу своими удивительными, ясными, словно сияние полной луны, глазами, а затем отпустил его руку и пошел прочь.

Юноша остался стоять один, не отрывая взгляда от удаляющейся спины. На ветру плавно покачивалась ткань черного хаори с вышитым гербом клана Годзё.

* «Ненавижу... Как же я его ненавижу! Мерзавец! Почему ты даже не обернулся?! Жалкий червь посмел смотреть на меня свысока! Как же я тебя презираю... Но почему ты такой сильный? Почему такой... красивый? Проклятый плебей, отвратительный, невыносимый... ненавижу, ненавижу, ненавижу!...»*

А-Эру было не до душевных терзаний взбалмошного наследника. За вечер он зачистил еще шесть очагов появления проклятий и вернулся в поместье Годзё лишь тогда, когда его запасы энергии истощились до предела.

У самых ворот он столкнулся с возвращающимся Сабору.

Главу клана, как и подобает, окружала толпа слуг, державшихся, впрочем, на почтительном расстоянии — Сабору не терпел излишней близости. Верный помощник Идзита вполголоса зачитывал отчет о положении дел вне поместья. Лицо величайшего мага выражало лишь ледяное равнодушие, словно окружающие люди для него были не важнее придорожной травы.

Но едва завидев А-Эра, Сабору повернулся к нему. Равнодушие мигом слетело с его лица, лазурные глаза потеплели, и он расплылся в лучезарной улыбке.

— Сидзука!

В это мгновение показалось, будто растаял вековой лед и первые лучи солнца озарили замерзший мир.

Окружающие шаманы даже бровью не повели — за последний месяц они успели привыкнуть к подобным метаморфозам. В самый первый раз они, конечно, перепугались до смерти, решив, что перед ними искусный самозванец. Теперь же слуги лишь провожали А-Эра косыми взглядами, мысленно окрестив его коварным соблазнителем, который мало того что околдовал их господина, так еще и притащил в дом собственных отпрысков.

Пошел третий месяц с тех пор, как Сабору приютил их троих в своем поместье. Тогда он просто отправился на зачистку и, наслушавшись деревенских баек о лесных демонах, решил заглянуть в чащу. Кто же знал, что вместо монстров он найдет там троих «дикарей».

Еще год назад А-Эр подумывал перебраться поближе к людям, но тогда Кэндзяку рос слишком нестабильно, а А-Си наотрез отказывалась приближаться к цивилизации. Так они и влачили существование в лесу, пока не появился Сабору Годзё и не предложил им кров и защиту.

Признаться честно, А-Эр испытывал перед этим синеглазым магом безотчетный, почти первобытный страх.

В своей прошлой, высокотехнологичной жизни он читал книгу, где говорилось: человек всегда испытывает ужас и отторжение перед лицом истинной судьбы, ибо подсознательно чувствует, что не в силах ей противостоять.

Пожалуй, именно это он тогда и чувствовал.

И все же вечно прятаться в глуши было нельзя. Конечно, А-Эр учил детей грамоте (благодаря Системе его записи на языке созвездий автоматически переводились в японские иероглифы), рассказывал сказки и играл с ними, но им требовалось общение со сверстниками и знания о мире. Они не могли провести всю жизнь среди деревьев.

К тому же лесной быт утомлял: по ночам донимала мошкара. И если А-Эра лесные гады обходили стороной, страшась исходящей от него тяжелой ауры, то детей постоянно кусали, а в сезон дождей их хижина протекала, превращая всех в мокрых куриц.

Раз уж судьба подбросила им столь могущественного покровителя, глупо было упускать этот шанс. Второго такого случая могло не представиться.

Взвесив все за и против, он согласился.

Разумеется, А-Эр и не подозревал, что даже ответ он отказом, Сабору все равно нашел бы способ забрать его с собой.

На «приемышей» великому магу было плевать, но по его приказу Идзити устроил детей с максимальным комфортом и даже пристроил их обучаться магическому искусству. В кулуарах шаманского мира их уже вовсю шепотом называли приемными детьми Годзё.

Старейшины клана долго рвали на себе волосы: ладно еще приютить безродных сирот, у которых обнаружился недюжинный талант к магии, но даровать им родовое имя и поселить этого мужчину в покоях по соседству с главой — верх безумия! Что, если это заговор?

Сабору обрывал их причитания одной короткой фразой:

— Если Сидзука подослан врагами, почему он увивается только за мной, а не за вами?

— Потому что ты сильнейший! — в один голос вопили старейшины. — Если тебя убьют, наступит конец всему магическому сообществу!

— Вот именно, я сильнейший, — лениво соглашался Сабору. — А значит, убить меня у него не выйдет. Так чего вы тогда раскудахтались?

Старейшинам оставалось лишь беззвучно глотать воздух. Они смотрели на своего главу как на ослепленного страстью тирана. Впрочем, если судить непредвзято, трудно было сказать, кто в этом тандеме олицетворял «соблазн»: ослепительно красивый, подобно нефритовому изваянию, Сабору или Сидзука, чье лицо хранило суровые следы шрамов.

Каким бы абсурдным ни казалось поведение Сабору, магическому миру приходилось мириться. Это ведь Годзё — любая его прихоть автоматически становилась законом. Даже императорский двор не смел перечить сильнейшему шаману эпохи.

Поскольку иных капризов у молодого господина не водилось, советники решили не доводить дело до открытого конфликта и закрыли глаза на происходящее. Но сплетни за закрытыми дверями, конечно, не утихали.

В последнее время количество проклятий росло не по дням, а по часам, превышая показатели прошлых лет в несколько раз. А-Эру то и дело приходилось отправляться на зачистки, да и Сабору сутками пропадал на заданиях. Времени на спокойные беседы у них почти не оставалось.

— Глава... — не успел А-Эр закончить приветствие, как Сабору уже материализовался прямо перед ним.

— Сидзука, ты цел? Не ранен?

— Спасибо за заботу, со мной все в порядке.

— Сам не пострадал, значит, опять принял чужую боль на себя? — Сабору проникательно прищурился.

Поняв, что утаить правду не удастся, А-Эр виновато кивнул.

Они прошли в комнату. Сабору вальяжно развалился на татами, но даже в этой небрежной позе угадывалась безупречная грация истинного аристократа.

За окном шумел затяжной летний дождь, крупные капли со звоном срывались с черепичной крыши. Вглядываясь в серую пелену, А-Эр негромко спросил:

— Неужели проклятий всегда так много в это время года?

За последние два месяца он вымотался до полусмерти. Даже детишкам приходилось помогать старшим магам на зачистках.

— Раньше было спокойнее, — отозвался Сабору, лениво жуя сладкое пирожное. — А лет двадцать назад — и подавно. В этом мире всё стремится к равновесию света и тени.

Парень мотнул головой, явно не желая углубляться в занудные философствования о балансе сил.

Они заговорили о детях. У А-Си обнаружился феноменальный талант к созданию барьеров. Она обзавелась подружками-сверстницами, стала заметно общительнее и больше не шарахалась от людей при каждом удобном случае. Однако ее врожденное бессмертие оставалось опасным секретом, способным привлечь ненужное внимание, поэтому эту тайну приходилось хранить за семью печатями.

Ее младший брат теперь звался Кэндзяку — имя он выбрал себе сам. Мальчик перестал пожирать проклятых духов. На данном этапе для него было куда разумнее и безопаснее развиваться в границах обычного человеческого тела, нежели перегружать неокрепший сосуд чужеродной скверной.

В отличие от скромной сестры, Кэндзяку чувствовал себя в обществе как рыба в воде и быстро сделался любимцем окружающих.

К тому же он обладал поразительным даром подражания. Попав в поместье диковатым замарашкой, теперь он с легкостью копировал даже изысканно-небрежные манеры Сабору.

Но чаще всего мальчик перенимал повадки своего старшего брата. Кэндзяку мастерски воссоздавал кроткий, печальный взгляд А-Эра, заставляя простодушных слуг верить в его ангельскую доброту.

Он впитывал всё вокруг, словно губка, не разделяя вещи на плохие и хорошие. Порой в нем просыпалось жутковатое сочетание детской непосредственности и хладнокровной жестокости: ради утоления любопытства он мог ставить безобидные, но циничные опыты над челядью. К счастью, А-Эр вовремя пресекал подобные шалости и заставлял неслуха вымаливать прощение у пострадавших.

Если честно, А-Эр отчаянно беспокоился за обоих сорванцов и мечтал запереть их дома под присмотром. Но разгул темных сил требовал его постоянного присутствия на поле боя, да и обременять Сабору лишними заботами не хотелось.

Сатору не стал давать банальных советов — чужие проблемы его мало волновали. Он лишь вскользь упомянул, что обычные проклятия вряд ли способны навредить Сидзуке, но в стране сейчас неспокойно. Активизировались банды мародеров и разбойников, некоторые из которых умудрялись исподтишка убивать зазевавшихся магов, прикидываясь беззащитными крестьянами.

Большинство магов смотрели на простых смертных свысока и не верили, что у какого-то сброда хватит духу поднять руку на одаренных.

Однако бандиты, на чьих руках запеклась кровь сотен жертв, не ведали страха. Несколько высокомерных шаманов заманили в ловушку, хладнокровно зарезали и обобрали до нитки, лишив даже дорогих шелковых одеяний.

Оскорбленные маги объявили охоту на разбойничьи шайки, но головорезы легко мешались с толпами беженцев, скрывая звериный оскал за масками несчастных погорельцев.

— Ты слишком доверчив к слабым, Сидзука. Тебя легко обвести вокруг пальца. Будь осторожнее.

А-Эр пообещал принять предостережение к сведению, но жизнь распорядилась иначе, причем до обидного быстро.

Всего неделю спустя, глухой ночью, он стоял у дверей Сабору, растерянно прижимая ладонь к изуродованной голове, начисто снесенной тяжелым ударом клинка.

Небо по-прежнему исходило тоскливым дождем. А-Эр сумел проскользнуть мимо стражи незамеченным, но теперь топтался на пороге, совершенно не зная, как объясниться.

Как растолковать, почему он выжил с половиной черепа? Как признаться, что он пропустил удар, проигнорировав дружеский совет? Столько нелепых «почему» роилось в голове...

Окончательно запутавшись и не найдя иных решений, он нашел дорогу к единственному человеку, способному принять его любым.

Сѣдзи бесшумно раздвинулись. На фоне залитого лунным светом двора стоял насквозь промокший Сидзука — безмолвный, страшный, с изувеченным лицом. Половина его головы представляла собой кровавое месиво. Темные капли вперемешку с дождевой водой глухо стучали по деревянному настилу веранды. Кровавый след, тянувшийся за ним через весь сад, уже смывали безжалостные струи ливня. В воздухе пахло сыростью и тяжелым, удушливым запахом железа.

Любого другого это зрелище преследовало бы в кошмарах до конца дней.

Но Сабору лишь мягко улыбнулся. Он бережно взял А-Эра за руку, увлек внутрь теплой сухой комнаты и принялся осторожно смывать чужую кровь с его израненного лица.

<http://bllate.org/book/18335/1760498>